

НАС ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ В САБЕЛЬНЫЙ ПОХОД...

Фадеев с особой теплотой относился к своим землякам-дальневосточникам, разделившим с ним его трудную, боевую юность. Одним из таких близких друзей была Т. М. Головинина — член подпольной партийной организации Владивостока, участница партизанского движения в Приморье, работница аппарата Коминтерна. Ее воспоминания мы и публикуем сегодня.

...ЕСТЬ люди, встреча с которыми никогда не исчезает из памяти и проходит через всю твою жизнь. Таким человеком стал для меня Александр Фадеев.

«Из всех наших с тобой общих друзей-дальневосточников, которых я по-прежнему помню и люблю, мы с тобой друзья наиболее старинные, знаем друг друга с детства», — писал он мне в 1932 году.

Мы действительно знали друг друга с детства. Первый раз я увидела «хлопчика из Чугуевки» Сашу Фадеева в доме его тетки, Марии Владимировны Сибирцевой, где я была частой гостьей. Саша Фадеев показался мне тогда самым обыкновенным мальчишкой — среднего роста, худощавый, часто и много смеющийся. Он азартно играл в лапту и в бабки, соревновался в запуске бумажных змеев, покупал в лавочках «липушки».

Игоря Сибирцева он почитал за старшего товарища и наставника. Эту дружбу Саша пронес через всю жизнь, и о Сибирцевых, когда Игоря уже не будет в живых, скажет: «Как большевик, я воспитан в этой семье не в меньшей мере, чем в своей собственной...».

...Детство проходит быстро. Мы не заметили, как настала пора проверки нашего мужества, стойкости, духовной зрелости.

5 апреля 1918 года в городе высадились интервенты. В июле был спровоцирован контрреволюционный мятеж чехословацких легионеров. Советская власть во Владивостоке пала. Буржуа свешивались с балконов, чтобы поглазеть, как выводят из здания Советов арестованных партийных активистов. Среди них были Костя Суханов и Всеволод Сибирцев.

...Сашу глубоко потрясла весть об аресте товарищей. Еще до мятежа мы не раз встречались с ним на собраниях ученических организаций, возникших повсеместно в 1917 году. Но теперь нужны были действия решительные. Первой ступенью нашей революционной борьбы стал Рабочий Красный Крест помощи политзаключенным и их семьям. Вместе со всеми носил Саша белье, продукты, махорку, газеты томящимся узникам.

Но этим наша работа в Красном Кресте не ограничивалась. От Зои Большой (Зои Ивановны Секретаревой) и Зои Маленькой (Зои Павловны Станковой), что были членами подпольного партийного комитета, мы получали первые партийные задания...

Читая теперь «Молодую гвардию», не удивляйтесь той живой правдивости и яркой достоверности, с какой описывает Фадеев рискованные операции молодогвардейцев. В какой-то степени это — рассказ о юности и самого Фадеева, подобно краснодонцам, не раз охранявшего тайные собрания и отважно расклевывавшего листовки под самым носом у врага.

Происходило все так. Вечерами мы собирались у Оли Левич или Марии Владимировны Сибирцевой, получали пачки воззваний и расходились, разбившись по двое. Парень с девушкой, изображая влюбленных, вроде бы беззаботно флиртовали по улицам. Усыпав таким образом бдительность шнырявших повсюду шпионов, парочка оставалась в заборе или у ворот, быстро доставала бумажку с клеем, и через секунду на стене уже белела листовка...

Саша был среди нас подпольщиком самым молодым и самым азартным. Он не раз признавался, что его охватывает на задании особый «краж», когда хочется наклеить воззваний как можно больше, прямо на виду у белогвардейцев. И однажды мы узнали, что Саша с Таней Цивилевой прикрепили листовку ни много ни мало — на двери чешского штаба. Часовой в это время отошел к другому концу здания...

Была у нас и еще одна обязанность: каждое утро кто-то из молодежи должен был доставлять чешскому военному цензору контрольный экземпляр газеты «Красное знамя». Цензор красным карандашом вычеркивал все «недозволенное», и газета возвращалась к нам, сплошь красная от помарок. Цензор не знал, что еще рано утром мы умудрились тайком вынести из типографии номера, ускользнувшие от проверки, обернув их вокруг себя под плащом. Одним из активистов такой «доставки» был и Саша. Газета приносилась на квартиру Сибирцевых, где он тогда жил, и оттуда передавалась рабочим.

несмотря на молодость, опытным. Его слово увлекало, а сам он служил в бою примером мужества и храбрости. Вот почему в феврале 1921 года на Читинской конференции военкомов Фадеев был избран делегатом на X съезд РКП(б). Я в то время находилась в Москве — по рекомендации нашего земляка Вакса работала секретарем партийной ячейки аппарата Коминтерна и жила в общежитии на Глазовском переулке. В комнате моей не было света, не стояло никакой мебели, но она не пустовала. Друзья-дальневосточники, приезжающие в Москву учиться, временно находили здесь приют и располагались прямо на полу, подстелив шинельку. Сюда поговорить с земляками заходил каждый вечер Фадеев. Помню его пламенные описания выступлений Ильича, серьезные рассуждения о важности замены продрозверстки продналогом, а главное — по-мальчишески восторженный рассказ о том, как он видел Ленина в перерыве.

В один из вечеров Саша в нашей комнате не появился. Через несколько дней мы узнали, что вместе с другими военными делегатами съезда он был направлен на подавление Кронштадтского мятежа. «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед», — напишет позже Багрицкий. На кронштадтском льду Саша был вторично ранен, шесть месяцев пролежал в Петроградском госпитале, а мы ездили к нему из Москвы с немудрящими передачами... Через некоторое время Фадеев вернулся в Москву и поселился в том же общежитии на Глазовском. Удивительно, до чего он был аккуратен!

Не раз я заставляла его за чтением, и часто среди книг оказывались работы классиков марксизма-ленинизма. Саша тогда занимался в Горной академии и мечтал вернуться в Приморье горным инженером, чтобы дать народу еще не изведанные подземные богатства края.

Но все вышло иначе. В 1924 году Саша по путевке ЦК партии уехал на Северный Кавказ. Вернулся он оттуда уже автором «Разгрома».

Мы зачитывались романом, узнавая в нем своих товарищей и черты знакомой партизанской жизни. Мы радовались, что Саша становится крупным писателем и крупным общественным деятелем. Наши встречи с ним в Москве продолжались, в разговорах все чаще звучало: «А помнишь?».

Особенно участвовали наши свидания земляков в послевоенные годы. В небольшой уютной комнате Ольги Левич на Садово-Кудринской собирались друзья юности. Таня Цивилева, Зоя Станкова, Настя Красавина, Маруся Сахьянова... Звонили Фадееву. Через некоторое время приходил и он — стройный, радостно улыбающийся, как будто все такой же молодой, хотя и поседела уже голова... Слегка наклонившись, он целовал всех по очереди, перебрался с нами шутками, а потом садился за стол, и текла живая, взволнованная беседа, прерываемая только врывом хохота на забавных рассказах... Нас удивляло только одно: как успевает все Саша? Ведь он — ответственный секретарь Союза писателей, депутат Верховного Совета, активный участник Всемирного Совета Мира. А кроме этого, пишет романы, прочитывает кипы рукописей писателей молодых, рецензирует, правит... И никогда не оставляет без помощи друзей, часто даже не дожидаясь их просьб.

Например, как-то он узнал, что я, став председателем объединенного укрупненного колхоза в Псковской области, шесть месяцев ничего не получаю. Саша тут же помог мне материально... Такую помощь получали от него многие, и оказывал он ее очень деликатно, стараясь оставаться в тени. «...Мы с тобой всегда, всегда сочтемся перед лицом нашей дружбы и многих наших живых и уже погибших друзей, с которыми нам приходилось в молодости делиться всем так же, как они делились с нами», — писал он мне.

Фадеев помнил даже о мелочах. В последнюю нашу встречу я обмолвилась, что хотела бы посмотреть «Кремлевские куранты» во МХАТе. Через несколько дней билеты лежали у меня на столе...

Заботливость, участие, оптимизм, вера в людей способствовали тому, что у Фадеева было много друзей. Когда на своем 50-летнем юбилее он в конце речи широко распахнул руки, воскликнув: «Я люблю вас!», сотни людей невольно ответили ему таким же горячим жестом... Для всех, кто знал Александра Фадеева, он навсегда останется в памяти образцом чести, долга, служения идеалам.

Т. ГОЛОВНИНА.

20 СЕН 1981